

□
 Парадоксальные моменты в истории скифо-ольвийских отношений в 5-4 вв. до
 н.э. Гипотезы и факты.^{1[1]}
 □

Одним из наиболее актуальных направлений в изучении античной проблематики всегда являлись проблемы взаимоотношений и культурно-экономических связей и взаимовлияний античного и скифского миров. Начало этому направлению было положено, по крайней мере, два с половиной тысячелетия тому назад в знаменитой Истории Геродота - труде, который дошел до нас, хотя были, несомненно, и более ранние описания. Широкомасштабные раскопки античных городов, поселений и некрополей Северного Причерноморья, а также скифских курганов и поселений лесостепи, проводившиеся русскими и украинскими археологами во второй половине прошедшего столетия, и благодаря этому появившиеся многочисленные исследования исторического плана позволили сместить некоторые акценты в истории взаимоотношений скифов и Ольвии.

Античные государства Северного Причерноморья – Боспор Киммерийский, Херсонес Таврический, Ольвия и Тира при всей общности в большинстве поворотных моментов их жизни все же в разной степени были вовлечены во взаимодействие с окружающими их варварскими племенами. Так, если Боспор немислим без варваров вообще, то о Тире в этом отношении практически ничего не известно. Промежуточное положение занимают Херсонес и Ольвия. Но, если речь идет о времени существования Великой Скифии - о 6-4 вв. до н.э., на первый план по сравнению с Херсонесом выходит Ольвия. И узнаем мы это благодаря в значительной степени все тому же Геродоту, который в своем скифском логосе приводит так называемую легенду о скифском царе Скиле.

Геродот сообщает:

Скил родился от женщины из **Истрии** не от туземки, и мать научила его греческому **языку** и **письму**. «Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. Делал он следующее: всякий раз, как Скил вёл войско скифов к городу борисфенитов (**борисфениты** эти говорят, что они **милетяне**) и приходил к ним, он оставлял войско **в** предместье, **сам же** проходил внутрь, за городскую **стену** и запирали ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. Когда он шел в этом платье на рыночную площадь, за ним не следовали ни телохранители и никто **другой** (**а** ворота охраняли, чтобы никто из скифов не увидел его в этой одежде). И во всём остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в **Борисфене** и женился там на местной **женщине**.

^{1[1]}

Далее Скил пожелал быть посвященным в таинства Диониса Вакхического. «Когда же Скил был посвящен Вакху, какой-то борисфенит стал издеваться над скифами, говоря: "над нами вы смеетесь, скифы, что мы приходим в вакхическое исступление и что в нас вселяется бог. Теперь это божество вселилось и в вашего царя, и он в вакхическом исступлении и безумствует под влиянием божества. Если же вы мне не верите – следуйте за мной, и я вам покажу". Старейшины скифов следовали за ним, и борисфенит, приведя их, тайно поместил на башне. Когда прошел со священной процессией Скил, и скифы увидели его в вакхическом исступлении, они сочли это очень большим несчастьем. Выйдя из [города] они сообщили всему войску то, что видели. Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали против него, поставив во главе его брата Октамасада...», Впоследствии Скил был убит Октамасадом. (Herod., IV, 78-79).

Заканчивая преамбулу этим печальным событием и переходя непосредственно к теме моего доклада, посвященного некоторым спорным моментам греко-ольвийских взаимоотношений, прежде всего, отмечу, что, как и в свое время Геродота, многих исследователей привлекают, в первую очередь не собственно античные города Северного Причерноморья, а окружающий их варварский мир. Это приводит к некоторой подсознательной идеализации реконструируемой ситуации в пользу варваров.

Не отрицая возможности такого подхода, учитывая действительно большое значение в жизни Ольвии скифских племен, я, тем не менее, считаю, что подобные подходы иногда приобретают излишне гиперболизированный характер. Все-таки при всей важности взаимоотношений с варварами Ольвия, по крайней мере, до рубежа эр, по своей культуре продолжала оставаться типичным эллинским государством, а ее экономика отнюдь не была так тесно связана со скифами, как это иногда представляется.

Я остановлюсь на двух хронологических отрезках времени, когда взаимодействие Скифии и Ольвии по мнению ряда исследователей должно было бы быть наиболее сильным.

Первый из них - это время скифской экспансии и так называемого скифского «протектората» над Ольвией, т.е. примерно семидесятые-сороковые годы 5 в. до н.э. По данной точке зрения, наиболее полно аргументированной К.К.Марченко (1993, 1999) и Ю.Г.Виноградовым в его монографии, посвященной политической истории Ольвийского полиса (1989), «протекторат» трех скифских царей Ариапифа, Скила и Эминака (в последнем случае, возможно, наместника) над Ольвией был установлен с целью ее экономической эксплуатации.

Второй хронологический этап относится к 4 в. до н.э. В данном случае считается общим местом то, что на протяжении 4 в. до н.э. в экономике Ольвии большую, если не главную, роль играла торговля со скифским миром.

Однако, сопоставление с этими гипотезами данных, полученных в последние десятилетия в результате широких полевых работ в сельской округе Ольвии (Крыжицкий и др., 1989; 1990), раскопок скифских могильников (Ковпаненко, Бунятян, 1978; Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978; Черненко, Бессонова, Болтрик, Полин, Скорый, Бокий, Гребенников, 1986) и, в частности, в связи с появлением исследования, посвященного экономике Степной Скифии (Гаврилюк, 1999), позволяет выявить многие несоответствия, как

хронологические, так и географические, которые трудно объяснить и которые тем самым ставят под сомнение упомянутые гипотезы (Крыжицкий и др. 1999, с.81 и сл., 151 и сл., 220 и сл.).

В связи с ограниченным временем я приведу лишь некоторые наиболее яркие несоответствия.

Начнем со скифской экспансии и, в частности, «протектората» - альфой и омегой в аргументации чего является в значительной степени процитированный выше отрывок из Геродота. Это важно, поскольку именно в этом усматриваются предпосылки экономической эксплуатации Ольвии.

О скифской военной угрозе для Ольвии в первой половине 5 в. Привлекаемая для этого конкретная аргументация, систематизированная К. К. Марченко (1999), насчитывает 9 позиций. Перечислим основные из них. Это: - перерыв с первой трети 5 в. до его конца в функционировании сельских некрополей ольвийской округи и трансформация погребальных сооружений; - появление во второй четверти 5 в. в Нижнем Побужье целой серии погребений кочевых скифов, якобы «тесно обступивших северную границу Ольвийского государства», как образно написал Ю. Г. Виноградов (1981, с.59); - наличие насильственно убитых скифским оружием в некрополях Ольвии и Березани; - заметное пополнение просопографии Ольвии негреческими и полугреческими именами (Марченко, 1999, с.147,148). Имеется в виду также запустение ольвийской хоры.

Однако, по поводу перерыва в функционировании сельских могильников прежде всего отметим, что речь в данном случае может идти о выборочном исследовании всего двух могильников – Аджигольского и Матросовского и вследствие этого говорить о каком-либо перерыве в функционировании сельских могильников вообще вряд ли оправданно. Что же касается трансформации погребальных сооружений – появления подбоев и склепов (или катакомб), то, во-первых, подбой возникают в Ольвии не с начала 5 (Марченко, 1999, с.164), а с конца 6 в. до н.э. (Скуднева, 1988, с.7), склепы же появляются только в начале 4 в. (Козуб, 1974, с.15).

Относительно якобы «тесно обступивших северную границу Ольвийского государства» (Виноградов, 1981, с.59) “в начале - первой половине 5 в. до н.э. многочисленных погребений кочевых скифов в степных районах Нижнего Побужья” (Марченко, 1980, с.142, сн. 58). На самом деле на целое столетие на Бугское Правобережье приходится всего 9(!) погребений. Естественно, на столь малых выборках вряд ли методически оправданно строить какие-либо выводы исторического плана.

Относительно наличия насильственно убитых в некрополях Ольвии и Березани. Крайняя малочисленность подобных погребений, а также их одновременность могут свидетельствовать лишь о факте наличия насильственных смертей, но не про то, в результате каких событий они произошли. Так, в Ольвийском некрополе В. М. Скуднева упоминает всего три захоронения с убитыми, - и это при общей выборке в 266 погребений. Весьма немногочисленны подобные захоронения и на Березанском некрополе (Виноградов, 1989, с.87), где их в восьмидесятые годы обнаружено 6 и датируются они временем рубежа 6 – 5 вв. до н.э. (Доманский, Виноградов, Соловьев, 1989, с.59,60), т.е. они появились за четверть века до начала запустения ольвийской хоры.

Из этого следует, что при том значительном количестве населения, которое могло проживать в последней четверти 6 – первой четверти 5 вв. как в городе, так и на хоре Ольвии, и по самым заниженным оценкам могло составлять не менее десятка тысяч человек (Крыжицкий и др., 1989, с.31-36), количество обнаруженных при раскопках убитых составляет ничтожную долю процента от общего числа погребенных и может объясняться скорее любыми другими причинами, в том числе и нападениями отдельных кочующих скифов, чем глобальной скифской экспансией.

Вряд ли также увеличение количества греческих имен в 5 в. может говорить о скифской экспансии, поскольку вообще количество известных нам имен жителей Нижнего Побужья крайне мало и не может претендовать на статистическую достоверность. Кроме того, процентное соотношение варварских и греческих имен и для 6, и для 5 вв. примерно одинаково и составляет один к одному (в 6 в. 2 имени греческих и 2 варварских, в 5 в. соответственно –12 и 10 (Книпович, 1956, Приложение 1; Виноградов, 1981^a, с.134,135). Хотя споры о «варварских» именах у лингвистов не прекращаются.

Наконец, военное давление скифов, якобы приведшее к ликвидации хоры, должно было бы найти отражение в археологических источниках. Однако, каких-либо следов катастрофической гибели поселений нигде не обнаружено. Поселения разрушались постепенно. Не исключено также, что некоторые (единичные) поселения в различных частях большой хоры продолжали существовать, возможно, с небольшими перерывами, и на протяжении почти всего 5 в. (Крыжицкий и др., 1990, с.43). Запустение большой хоры могло быть вызвано причинами, связанными с необходимостью внутреннего развития полиса, становления Ольвии как города. Вряд ли можно сомневаться в очевидной необходимости превращения Ольвии из фактически земляночного поселка в настоящий город античного облика. Несомненно, для этого требовалось весьма значительное количество рабочей силы. И начало этого процесса – переход в городе от массового земляночного строительства к обычному наземному сырцово-каменному совпадает по времени с редукцией большой хоры. Нельзя исключать и вполне возможное стремление к реорганизации хоры. Последнее представляется вполне оправданным – перейти от аморфно и разреженно заселенных земель большой сельской округи к хорошо организованной и плотно освоенной приольвийской хоре небольшого радиуса (Крыжицкий, Отрешко, 1986, с.14,15).

Не согласовывается с возможностью скифской экспансии также и факт расцвета греко-варварских обменных отношений в первой половине 5 в., о чем свидетельствуют многочисленные находки античных вещей в курганах.

Таким образом, мы не видим достаточно убедительных свидетельств существования скифской экспансии в первой половине 5 в.

Что касается «протектората», то подчеркнем, что сам факт существования любой формы протектората скифов над Ольвией прямо из текста Геродота не следует и властные функции Скила по отношению к Ольвии выводятся из довольно произвольной трактовки лишь одной фразы о закрывании городских ворот Ольвии во время пребывания там Скила. Здесь дословному переводу фразы «запирал ворота» (А.И.Доватур, Д.П.Каллистов, И.А.Шишова, 1982: Herod., IV, 78, 4) противопоставляется, исходя только из концептуального подхода, подразумевающего «диктат скифских царей»,

произвольный перевод Мищенко, Бессмертного, Стратановского – «*велел, приказывал* запирать ворота» (Виноградов, 1989, с.105). Однако, императивная форма предлагаемого перевода не находит подтверждения о протекторствующей роли Скила по отношению к Ольвии в других местах рассказа. Итак, вся эта аргументация имеет косвенный характер.

Таким образом, «протекторат», связанный со Скилом, подтверждения в фактах не находит.

Еще меньше имеется оснований для реконструкции «протектората» следующего за Скилом царя Эминака. Здесь вообще вся аргументация построена в основном на находках серебряных статеров с изображением Геракла в львиной шкуре, натягивающего тетиву лука, и именем ΕΜΙΝΑΚΟ, находке мерной ойнохой с оттиском реверса этой монеты и относительным увеличением количества негреческих имен в просопографии Ольвии в 5 в. до н.э.

Возникает вопрос не только о возможности наличия «протектората», но и о реальности самого существования скифского правителя (или наместника) под именем Эминак. Мнение о том, что на аверсе монет Эминака нашла отражение легенда о происхождении скифов, т.е. там изображен Геракл-Таргитай, демонстрирующий как нужно натянуть тетиву лука (Карышковский, 1960, 1984), относительно недавно было убедительно оспорено А.С.Русяевой. Исследовательница пришла к выводу о том, что оснований для отождествления Геракла с Таргитаем нет, а, следовательно, отсутствуют и основания предполагать, что на статерах Эминака нашла отражение этногоническая легенда о происхождении скифов (1991, с.100 и сл.).

Что же касается происхождения имени Эминака, то, помимо ольвийских статеров, оно больше нигде в Северном Причерноморье не встречается, зато известно в Малой Азии, и даже, если допустить, его варварскую этимологию, то его носитель совсем не обязательно должен был быть варваром по своему этническому происхождению (Анохин, 1989, с.15,16; Русяева, 1992, с.124-126). Но и варварская этимология этого имени не находит единодушного признания у специалистов. В частности, В.Ф.Столбой допускается возможность принадлежности этого имени греческому языку и во всяком случае подчеркивается, что определяющий при этом критерий не может служить этнодиагностирующим признаком, поскольку свойственен не только иранскому языку (Столба, 1991, с.74-76). Более того, если исходить из предположения В.Ф.Столбы о греческом происхождении имени Эминак, то и изображение на статерах Геракла – героя-родоначальника дорийцев вполне логично (1991, с.75,76).

А это делает весьма вероятной гипотезу о том, что имя Эминак в данном случае могло принадлежать эпониму, который не был варваром (Анохин, 1989, с.15-17), и, следовательно, факт чеканки в Ольвии этих монет вряд ли может являться одним из решающих доказательств в пользу существования скифского «протектората».

По поводу второго аргумента сторонников «протектората» – штемпеля на горле ойнохой с изображением реверса монеты Эминака с эмблематикой Ольвии – здесь можно только констатировать синхронность этих событий: выпуска монеты и клеймения ойнохой. Что же касается факта наличия отпечатка аверса монеты на ойнохойе, то это как раз свидетельствует о том, что Эминак был эпонимом и отвечал за меры веса и объема.

Еще менее убедительны аргументы относительно начального этапа «протектората», связанные с Ариапифом. Здесь основным доказательством является практически только предполагаемая экспансия скифов.

Завершая тему, связанную с 5 в., отметим, что ситуация, сложившаяся в Нижнебугском регионе в первой половине 5 в., противоречит экономической целесообразности такого протектората.

Скифам не выгодно было бы ликвидировать большую хору Ольвии. Функционирование сельской округи не могло чем-либо помешать «вывозу в Эгеиду продуктов присвоения скифов-номадов» (Виноградов, 1989, с.104), как вследствие отличия этих продуктов от производимых ольвиополитами, так и в силу большой емкости средиземноморских рынков относительно натурального сырья. Вообще возможные статьи именно массового экспорта у кочевых скифов были весьма ограничены. Собственного товарного зерна они не производили. Что касается возможности получения экспортного зерна, т.е. пшеницы, из лесостепи, то достаточно убедительных данных о ее возделывании там нет (Гаврилюк, 1999, с.268 и сл.). Иначе говоря, как это уже ранее отмечалось (Щеглов, 1987, с.99-121; Крижицкий, Щеглов, 1991, с.54; Отрешко, 1994, с.114; Лейпунська, 1995, с.20), возможности скифской хлебной торговли весьма сомнительны. Какую-то роль мог играть экспорт продуктов скотоводства, возможно, минерально-сырьевых ресурсов (Гаврилюк, 1999, с.266,267). По мнению Н.А.Гаврилюк, основной статьей экспорта могли являться рабы (1999, с.271 и сл.). Но для организации экспорта подобных товаров через Ольвию не требовалось установление протектората и превращение Ольвии в торгового трансagenta.

До установления «протектората» - в последней четверти 6 – первой четверти 5 вв. сельская округа Ольвии была в состоянии обеспечить продуктами сельского хозяйства не только себя, но могла и экспортировать их. Так, по расчетам, сделанным нами для эллинистического времени, когда хора Ольвии распространилась примерно в пределах архаической, ольвиополиты могли при средних урожаях производить около 6 тыс. т товарного зерна и выпасать около четырех с лишним тыс. голов крупного рогатого скота, 6 тыс. мелкого, полутора тыс. лошадей (пропорциональное соотношение видов дано в соответствии с палеозоологическими данными). Для чего же скифам потребовалось бы уничтожить эту сельскую округу? Ведь она могла бы им приносить существенный доход и именно тем самым спровоцировать кочевников на установление «протектората»! Иначе говоря, и в данном случае при ликвидации большой хоры экономический протекторат лишен смысла.

В связи со сказанным возникает также закономерный вопрос: где же находился в 5 в. тот массив скифского населения, существование которого давало бы возможность скифам осуществлять масштабные экспансионистские акции? Ведь для всего 5 в. нам известно всего 61 скифское погребение (на 1986 г.) и в том числе недалеко от Ольвии только 9. Эти цифры становятся тем более удивительными, если вспомнить, что для 4-3 вв. количество известных нам скифских погребений составляет свыше двух тысяч.

Суммируя сказанное мы приходим к выводу о том, что в 5 в. взаимоотношения скифов и Ольвии носили, скорее всего, равноправный характер. Экономика этих двух обществ не была столь тесно связана, как это

иногда представляется, и экономические связи проявлялись в основном в форме посреднической торговли.

Ситуация в этом отношении, видимо, мало меняется и в последующее время. Причем следует подчеркнуть, что рост населения Степной Скифии в 4 в. (2 тыс. погребений) совпадает с постепенным возрождением ольвийской большой хоры. А отсюда следует, что торговле резко возросшего населения Скифии сельская округа Ольвии не мешала. Различная специализация в этой области первых и вторых, как видно, не способствовала конкуренции.

В связи с этим обратим внимание на тот факт, что высказывавшаяся неоднократно точка зрения о существовании не только полной синхронности, но и одновекторности развития скифского мира и Ольвии в общем не находит подтверждения.

Так, пик развития Ольвии в позднеархаическое время приходится на последнюю четверть 6 – первую четверть 5 вв. В Скифии, если судить по богатым погребениям, такой пик наблюдается в первой половине 5 в. Следующий подъем Скифии происходит в 4 в. В 3 четверти 4 в. увеличивается количество погребений в степи, да и вообще 4 в. связывается с максимальным расцветом Великой Скифии. Для Ольвии это время только весьма умеренного постепенного экономического роста. Пик же его приходится на последнюю треть 4 – первую четверть 3 вв. Однако, в Степи уже в четвертой четверти количество скифских погребений заметно сокращается и наступает обнищание основной массы населения, а в конце 4 в. исчезают скифские степные памятники, что связывается с падением Великой Скифии Атея, и вполне четко проявляются все признаки эколого-экономического кризиса (Гаврилюк, 1999, с.311,312). В Ольвии же наоборот – именно в последней трети 4 и, по крайней мере, в первой четверти 3 вв. происходит стремительный расцвет хоры и города. В связи с этим возникает вопрос, чем можно объяснить создавшуюся ситуацию. С одной стороны расцвет Ольвийского полиса можно вполне убедительно обосновать теми мерами, к которым были вынуждены прибегнуть ольвиополиты при осаде Зопириона (демократизация общества, которая выразилась в даровании прав иностранцам, освобождении рабов, прощении долгов) и которые безусловно способствовали развитию производительных сил. С другой стороны этому расцвету могла способствовать и гибель Скифии - уход конкурента. Но этому косвенно противоречит то, что полис постепенно экономически развивался и во время существования Скифии. В общем с закатом Великой Скифии в Ольвии наступает полувековой этап благоденствия.

Из сказанного вытекает несколько выводов. Во-первых, взаимоотношения скифов и Ольвии носили, скорее всего, равноправный характер, а экономика этих двух обществ не была столь тесно связана, как это иногда представляется, и экономические связи проявлялись в основном в форме посреднической торговли. Во-вторых, следует признать, что синхронность развития Ольвии и Скифии весьма относительна. В-третьих, мы часто переоцениваем и модернизируем степень и характер взаимодействия скифов и Ольвии. И, в-четвертых, существующие исторические реконструкции, в частности, скифо-ольвийских отношений, весьма уязвимы и требуют поиска новых подходов.

Список основной литературы.

□

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – Киев. – 1989. – 127 с.

Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н.э. // ВДИ. – 1981. – № 2. – С.65-90. – 1981. – № 3. – С.49-75.

Виноградов Ю.Г. Варвары в просопографии Ольвии // ДСПВГК. – Тбилиси. – 1981^a. – С.131-146.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. – Москва. – 1989. – 284 с.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. – Киев. – 1999. – 424 с.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. – Москва. – 1982. – 455 с.

Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Ленинград. – 1989. – С.33-60.

Карышковский П.О. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. – 1960. – №1. – С.179-195.

Карышковский П.О. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. – Киев. – 1984. – С.78-89.

Книпович Т.Н. Население Ольвии в VI-I вв. до н.э. по данным эпиграфических источников // МИА. – 1956. – №50. – С.119-153.

Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. – Киев. – 1978. – С.133-150.

Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. – Киев. – 1978. – С.7-132.

Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. – Київ. – 1974. – 183 с.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. – Киев. – 1989. – 240 с.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). – Киев. – 1990. – 132 с.

Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. К проблеме формирования ольвийского полиса // Ольвия и ее округа. – Киев. – 1986. – С.3-16.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – Киев. – 1999. – 681 с.

Крыжицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного причорномор'я // Археологія. – 1991. – №1. – С.54-67.

Лейпунська Н.О. Економіка Ольвійської держави в V ст. до н.е. // Археологія. – 1995. – №3. – С.16-27.

Марченко К.К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. – 1980. – № 1. – С.131-143.

Марченко К.К. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье V в. до н.э. // Петербургский археологический вестник. – Санкт-Петербург. – 1993. – С.43-47.

Марченко К.К. К проблеме греко-варварских контактов // *Stratum plus*. – С.-Петербург, Кишинев, Одесса. – 1999. - №3. - Скифский квадрат. – С.145-172.

Отрешко В.М. Про основи економіки Березанського поселення // *Археологія*. --1994. - №2. – С. 112-122.

Русяева А.С. Понтийская легенда о Геракле: вымысел и реальность // *Духовная культура древних обществ на территории Украины*. – Киев. – 1991. – С.96-116.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. – Киев. – 1992. – 253 с.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. – Ленинград. – 1988. – 183 с.

Столба В.Ф. Херсонес и скифы в V-II вв. до н.э. (проблемы взаимоотношений). Дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. // *Архив ИИМК РАН*. – Ленинград. – 1991.

Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – Киев. – 1986. – 368 с.

Щеглов А.Н. Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII-V вв. до н.э. // *Причерноморье в VII-V вв. до н.э.* – Вани-Тбилиси. – 1987. – С.99-122.

□

Список сокращений.

□

□

ВДИ - Вестник древней истории.

ДСПВГК – Демографическая ситуация в Причерноморье в период
Великой греческой колонизации.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР.

СА - Советская археология.

□

□
